

АЛЕКСЕЕВ Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный институт культуры (Россия, Химки), e-mail: ipo1972@mail.ru, AuthorID: 770762

ALEKSEEV S.V., Doctor of History, Professor, Moscow State Institute of Culture (Russian Federation, Khimki), e-mail: ipo1972@mail.ru

**«СКАЗАНИЕ О ХОЛОПЬЕЙ ВОЙНЕ»: ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ
И ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ**

**«THE TALE OF THE KHOLOP WAR»: LITERARY HISTORY AND THE PROBLEM OF
HISTORICAL BASIS**

Аннотация. Цель статьи – восстановление литературной истории и попытка определить историческую основу так называемого «Сказания о холопьем войне». Этот сюжет русской исторической словесности позднего Средневековья и раннего Нового времени сохранился в различных сходных, но текстуально прямо не связанных версиях XVI – XVII вв. Наиболее ранней среди них является рассказ немецкого дипломата Сигизмунда Герберштейна, представленный им со ссылкой на новгородскую «летопись». Старейшие известные науке русские версии, однако, относятся к концу XVII в. Это «Сказание о вятчанах» и «Историческое и древнее описание» Т. Каменевича-Рвовского. В статье рассматриваются возможные литературные источники русского сюжета, восходящие к античности, предлагается реконструкция содержания первоначального, известного Герберштейну текста. Происхождение «Сказания», по заключению автора, связано с настроениями новгородской элиты после потери независимости Новгорода в XV в. Вместе с тем сюжет «Сказания» может иметь в основе и элементы устной традиции, восходящей к временам складывания Древнерусского государства.

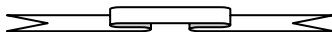
Ключевые слова: древнерусская литература, устная традиция, Новгород, С. Герберштейн, Т. Каменевич-Рвовский, «Сказание о вятчанах», «Сказание о холопьем войне».

Abstract. The purpose of the article is to restore the literary history and to determine the historical basis of the so-called «The Tale of the Kholop War».

This plot of Russian historical literature of the late Middle Ages and Early Modern times has been preserved in various similar, but textually not directly related versions of the 16th-17th centuries. The earliest among them is the story of the German diplomat Siegmund Herberstein; he presented it with reference to the Novgorod Chronicle. The oldest Russian versions known to science, however, date back to the end of the 17th century. These are «The Tale of Vyatka citizens» and «Historical and Ancient Description» by T. Kamenevich-Rvovsky. The article discusses possible literary sources of the Russian plot dating back to antiquity, and proposes a reconstruction of the content of the original text known to Herberstein.

As a result, the author comes to the conclusion that the origin of «The Tale» is linked to how the Novgorod elites feel after the loss of Novgorod's independence in the 15th century. At the same time, the plot of «The Tale» can also be based on elements of an oral tradition dating back to the times of the formation of the Old Russian state.

Keywords: Old Russian literature, oral tradition, Novgorod, S. Herberstein, T. Kamenevich-Rvovsky, The Tale of Vyatka citizens, The Tale of the Kholop War.

ВВЕДЕНИЕ

Из многих примеров из мировой науки о фольклоре, особенно на ее ранних этапах, хорошо известны факторы, искажающие содержание устной традиции при встрече «письменного с устным», ученого, «книжного» знания и неписаной исторической памяти. Практически те же модели, что в донаучной и ранне-научной фольклористике, – соединение «ученых» данных с устными (необязательно чисто устными) по происхождению и конструирование книжных легенд – мы видим и в русских книжных сказаниях XVII века, часто характеризующихся как «баснословие». Принципиальное отличие от известных истории фольклористики случаев заключается в полном отсутствии данных о том, как был воспринят автором «устный» компонент. Тем более трудно представить механизмы, социальную среду, обстоятельства передачи преданий, особенно «новых» по сравнению с древними летописями. Всё это неизбежно ведет к скепсису в отношении какой-либо фольклорной и тем более исторической основы подобных текстов. В науке в целом справедливо они оцениваются как баснословные и рассматриваются преимущественно в контексте литературных и политических явлений XVII века.

Но это не тот тезис, на котором следует остановиться. Устные источники, в первую очередь местные топонимические предания, у некоторых из баснословных сказаний имелись. Иногда они выделяются в их составе довольно легко, в том числе (как в известном «Сказании о начале Новгорода») благодаря параллелям с подлинными фольклорными текстами позднейшего периода. Конечно, реальность описываемой эпохи такого рода предания непосредственно отражать не могут. Однако в отдаленной основе их могут лежать и подлинные исторические факты. Каждый из таких случаев заслуживает особого анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Русские версии так называемого «Сказания о холопей войне» относятся к концу XVII века

и в этом смысле не отличаются от других «баснословных» произведений этого столетия. Однако первая запись основного сюжета имела место почти на 200 лет ранее. Габсбургский дипломат Сигизмунд Герберштейн, побывавший в Новгороде в 1517 году, в своих «Записках о Московии» (1549 года), описывая город, сообщает среди прочего следующее: «Их летописи повествуют еще, что однажды, когда новгородцы в течение семи лет подряд были заняты тяжелой осадой греческого города Корсуня, их женам наскучило отсутствие мужей, в жизни и возвращении которых они вообще уже сомневались, и они вышли замуж за рабов. Наконец, завоевав город, победители-мужья вернулись с войны, везя с собой {в знак своей победы (в фигурных скобках даны дополнения и наиболее существенные варианты немецкой авторской редакции «Записок», выполненной как перевод с латинской – С. А.)} медные ворота покоренного города и большой колокол, который мы сами видели в их соборной церкви, рабы же вознамерились силой не пустить своих господ, на супругах которых они женились {вариант: выступили против своих господ и разбили их в битве}. Тогда господа, возмущенные этим недостойным деянием, отложив по чьему-то совету в сторону оружие, ибо имели дело с рабами, взялись за дубинки и плети {вариант: Тогда, говорят, среди господ нашелся некто, подавший совет сразиться со своими рабами не оружием, а дубинками и плетками; они вспомнят, что всего лишь рабы, убоятся}; утраченные этим рабы обратились в бегство и, удалившись в некое место {около сорока миль по сю сторону от Москвы (это дополнение отсутствует в обеих редакциях «Записок», но наличествует в пространной немецкой «Автобиографии» Герберштейна, создававшейся примерно в одно время с немецким переводом – С. А.)}, которое и поныне еще называется Хлопи-городом, т. е. «крепостью {или городом} рабов» {хотя там нет уже никаких укреплений}, потерпели поражение и понесли от господ заслуженную кару {жены же их повесились}}» [1, С. 342–345].

Несколько далее Герберштейн возвраща-

ется к этому сюжету, рассказав подробнее о Холопьем Городке на Мологе [1, С. 354/5]. Текст обоих фрагментов «Записок» не оставляет сомнений, что имелся в виду именно этот последний, в XIV – XVI вв. важный торговый центр с запустевшим древним городищем. О заброшенном Холопьем Городке на Волхове, археологическом памятнике IX века к югу от Новгорода, Герберштейн не знал.

Изложение этого сюжета у Герберштейна необычно и отличается от других мест «Записок», основанных на «летописях». Во-первых, известный русский летописный источник у него отсутствует. Во-вторых, прослеживается даже на текстуальном уровне зависимость автора от античных историков – Геродота, изданного в Западной Европе в XV веке, и хорошо известного со Средних веков Юстина. У античных авторов это эпизод из истории скифов, причем немецкая редакция «Записок» особенно зависит от древнего источника. Всё это наводит на предположение, что в данном случае Герберштейн слукавил, выдав за известие новгородской «летописи» собственную фантазию на античном материале.

Но есть аргументы, не позволяющие с этим согласиться. Во-первых, Герберштейн был довольно щепетилен в своих ссылках на источники и научных построениях, и этот случай был бы единственным примером столь явного лукавства. Иногда он дополнял или подменял изложение летописных данных пересказом польских «Анналов» Яна Длугоша, но ведь сам Длугош ссылался на русскую летопись. Во-вторых, совершенно неясны побудительные причины подлога. Вероятно, какое-то предание о происхождении названия Холопьяго Городка Герберштейн всё-таки читал или слышал. В-третьих, к новгородским легендам – о Корсунских вратах, о корсунском колоколе – восходит контекст сюжета. Герберштейн, судя по отсутствию дальнейших пояснений, связывал его с захватом Херсонеса при Владимире Святом, о чём отмечал выше.

Уверенность в отсутствии русского источника у основного сюжета исходит в основном из априорно принимаемого незнакомства нов-

городцев того времени с античными авторами. Между тем, если «Историю» Геродота на Руси вряд ли знали (хотя имя его как древнегреческого автора было известно по византийским сборникам цитат и афоризмов), то с весьма популярным сочинением Юстина или его сюжетами образованные новгородцы могли ознакомиться на Западе. Но даже и в этом допущении нужды нет, поскольку ещё в XII веке сюжет был позаимствован для своей истории польским хронистом Винцентием Кадлубком. Затем он как часть преданий древней Польши воспроизводился позднейшими авторами до Длугоша включительно. Благодаря этому рассказ о войне с рабами мог попасть на Русь и, в частности, в Новгород как в письменной, так и в устной форме. Здесь, в свою очередь, его могли использовать для литературного оформления какого-то давнего местного предания.

Принятие такого вывода разрешает проблему. Герберштейн, действительно, мог ознакомиться с новгородским письменным источником, содержащим переданный им сюжет. Оpozнав последний как хорошо известный по античным и польским источникам, он не стал задумываться над его достоверностью, а использовал Юстина для «украшения» русского предания подробностями. Наиболее основательно это было произведено уже в позднейшей немецкой редакции.

Определённость этому предположению придадо недавнее открытие «Сказания о вятчанах», старейшего известного сочинения по истории Вятской земли, созданного в 1690-х гг. с опорой на местные устные и письменные источники. В нём содержится рассказ с тем же сюжетом, в деталях не совпадающим с изложением Герберштейна и его известными в России XVII века польскими обработками:

«...В лето в Великом Новеграде бысть великий князь Ярослав сын Владимеров. И посла бояр своих и воевод со многими силами из Новаграда под град Корсунь. Они же быша тамо под градом и стояша семь лет. Жены ж их ждаша мужей своих в Новеграде многое время и недождя, чающе их побитых, и начата

жители за немощь естественную боярыни и княгини и служилых людей жены совокупишася с холопы своими а прости також с чюжими мужи. И по окончании семи лет приидоша вестницы в Новъград, что идет все воинское во свояси. Жены же их и дщеры слышаша приход их и убояшася и с теми своими рачители из Новаграда бегу яшася и приидоша на реку великую глаголемую Каму и поставиша подле град и нарекоша имя ему...» [7, С. 347].

Очень похожий текст мог стать источником для Герберштейна. Вятский вариант позволяет увериться, что самые яркие «античные» детали из скифской легенды Геродота были включены автором «Записок». Наиболее заметные отличия в основе самого сюжета следующие. Во-первых, он приурочен ко временам Ярослава Мудрого, при котором был построен Софийский собор. Это соответствует логике традиции, поскольку в версии Герберштейна фигурируют «корсунские» врата и колокол собора. В вятской версии упоминание о них отсутствует, вероятно, вследствие сокращения. Во-вторых, в вятской версии не говорится о Холопьем Городке на Мологе, а холопы бегут на Каму, где основывают «град», как подразумевается контекстом «Сказания», Вятку-Хлынов. Времени ее основания, а не временам Ярослава соответствует и дата – 1174 год.

Обе версии позволяет связать воедино третья и самая пространная, содержащаяся в «Историческом и древнем описании» иеродиакона Тимофея (Каменевича-Рвовского) из Холопьяго монастыря на Мологе. Это чрезвычайно многословное и местами сумбурное повествование было создано начитанным клириком с использованием разных польских, греческих и русских источников в 1699 году. Одной из основных задач Тимофея было опубликование сведений о древнейшей истории монастырской округи и объяснение названия монастыря. Использовал ли автор местные предания, неясно. Например, название Шексны производится от имени «первого на ней жителя» Шека и его жены-«богатырки» Сны. Но это «предание», скорее, авторское, поскольку построено по точной аналогии с

также приводимой Тимофеем книжной легендой о происхождении названия Москвы. Последнее выводилось от библейского Мосоха («Моса») и его выдуманной жены Квы. Есть и другие подобные «ученые» этимологии. Название Мологи производится от библейского Молоха, которому будто бы местные жители поклонялись наряду с Велесом и другими богами языческой Руси [3, С. 35]. «Сказание о холопьем войне» у Тимофея поставлено в контекст «Сказания о начале Новгорода», на котором основываются его представления о древнейшей истории славян. В целом сочинение Тимофея представляет собой выдающийся, хотя и не самый фантастический из известных пример баснословной историографии конца XVII века.

Сюжет «Сказания о холопьем войне» здесь изложен следующим образом. После основания Новгорода (здесь, в отличие от «Сказания о начале Новгорода», во времена Словена и Руса) из словен отобрали воинов для постоянной службы. Они добровольно согласились быть рабами-холопами «рода славенороссийского», чтобы «служить и умирать» за всех. Они совершили многочисленные набеги, победили амазонок, захватили все славные города древности, включая Иерусалим и «Стамбул». Их устрашил сам Александр Македонский. По просьбе последнего (сюжет из «Сказания о начале Новгорода») славяне прекратили войны и поселили холопов «посреди Великого Новгорода» на Холопьем улице. Со временем от безделья и отсутствия военной добычи холопы начали чинить насилие самим новгородцам, грабить и убивать их. Они построили себе «грады» на Мологе, Каме и «по всей земле», а потом начали опустошительную войну со словеннами. «Новгородцы, ростовцы, весяне и устюжане», объединившись, нанесли холопам поражение, разрушив сначала «первое их Волховское поселение», а потом и городки по Мологе. Уцелевшие холопы бежали на Каму, откуда предприняли набег на Тмутаракань (отождествляемую с Астраханью). Местные татары со своим царем Аз-Тараканом перебили их, в честь чего Астрахань и получила название [3, С. 30–38].

Эта часть сочинения Тимофея представляет собой, помимо прочего, еще и слегка закамouflированный политический трактат против сохранявшейся в России конца XVII в. практики использования на войне боевых холопов. Связь этой версии с реалиями XVI – XVII вв. справедливо отмечал И. Я. Фроянов [8, С. 21]. Данная современная реалья «объяснила» автору сам факт «холопией войны». Но основной объем расширений сюжета не навеян ничем, кроме безудержной авторской фантазии. Имевшийся в распоряжении Тимофея источник о новгородских холопах едва ли сильно отличался от вятской версии объемом и содержанием.

Однако «Историческое и древнее описание» сохранило ряд черт источника, из вятской версии выпавших, и это существенно проясняет дело. Прежде всего, становится ясно, что в общем источнике всех трех версий присутствовали и Холопий Городок на Мологе, и бегство остатков холопов на Каму. Первое сохранено у Герберштейна и Тимофея, второе – в «Сказании о вятчанах» и у Тимофея. Вторых, у Тимофея сохранилось четкое свидетельство о «первом Волховском поселении», т.е. Холопьем Городке на Волхове. Правда, он связал его с Холопией улицей в Новгороде. Вряд ли сведения о волховском Городке отсутствовали в источнике, созданном в Новгороде. Скорее всего, они просто были опущены и Герберштейном, этого места не знавшим, и автором «Сказания о вятчанах», которого интересовали только данные о бегстве холопов на Каму.

Сюжет о холопией войне был довольно популярен на северо-востоке исторической Руси во второй половине XVII – начале XVIII века. В. Н. Татищев, считавший всю историю «басней» на основе Геродота, приводит данные из двух доступных ему сочинений – «Истории града Ростова» и «Муромской истории». Место действия здесь – городище Шолопин близ Калязина монастыря на Волге, недалеко от Углича. Об этом пункте, наряду с двумя городищами Городка на Мологе, в данной связи упоминал и Герберштейн [1, С. 354/5].

История, доставшаяся Татищеву, в ростовском варианте изобиловала новыми фантастическими подробностями: «к сражению у вождей или царей скифских были трубы, литавры и сурны, а у холопей одни свирели и рожки пастушьи. Скиф предводители: Страшимир, Громислав и Бедислав; у холопей: Загуми, Разрываи и Угоняи; оружие у царей самострелы и мечи обоюдоостры, у рабов – сабли и луки. Холопи пред сражением, неколико голодных и раздраженных медведей приготавливая, в войско царей пустили и оное смяли, а цари после, приготавливая собак, на медведей пустили, которые, в войско холопей вбежав, смяли». Приведя эти детали, историограф иронично заключает: «Правда, что вымысл не худ, как имяна, музыка и ружье по пристойности людей положил, токмо, знатно, он того не знал, что тогда литавр, не говорю о самострелах, не было» [6, С. 285]. Судя по упоминанию скифов, сочинитель ростовской версии был знаком с античным прототипом истории, очевидно, в пересказах доступных ему западных авторов.

Подводя итог, можно заключить, что у всех вариантов сюжета был один источник, созданный в Новгороде примерно в последней четверти XV – начале XVI века, ранее визита Герберштейна. Источник, судя по всему, входил в какой-то сборник или компиляцию легендарно-летописного характера, связанную с Софийским собором. Создание текста преследовало две цели. С одной стороны, он удостоверял легендарное «корсунское» происхождение врат и колокола собора, в реальности появившихся в нём несколько десятилетий назад (см.: [2, С. 426]). С другой – легенда утверждала исторические права Новгорода на Помоложье и Вятскую землю, будто бы заселенные некогда холопами новгородцев. В условиях свершившегося создания единого Российского государства это имело больше компенсирующий смысл. В качестве связующего звена было избрано локальное предание о происхождении Холопьяго Городка на Волхове. С последним устная традиция связывала, очевидно, и хорошо известный пункт того же имени на Мологе. Первоначальному тексту в основном соот-

ветствует текст «Сказания о вятчанах» с добавлением данных о вратах и колоколе и обоих Холопых Городках.

Воссоздаваемая на археологическом материале история волховского Холопьяго Городка (см.: [4, С. 179–183; 5, С. 146–154]), не выходящая за пределы IX в., позволяет сделать некоторые выводы об исторической основе предания. Из предания явствует, что появление «рабской» топонимики в этом районе отражает результат военного противостояния – очевидно, того же самого, которое привело к гибели Холопьяго. Но то, что предание говорило о «восстании рабов», – иллюзия. Она создается внесением в традицию при «записи» античного мотива, а также соединением с легендой об осаде Корсуни и «корсунских» ценностях Софийского собора. Можно заключить, что на самом деле «рабские» названия даны в результате войны победителями и их потомками «в память» об обращенных в рабство побежденных. В первоначальной основе речь шла о событиях второй половины IX века – объединении Поволховья вокруг расположенного вверх по Волхову от Холопьяго «Рюрикова» Городища, прямого предшественника Новгорода. При том что название его дано в Новое время, есть немало оснований связывать Городище именно с ранним этапом становления Руси как «державы Рюриковичей». Новгородцы, зная которых, согласно уже древнейшим летописным преданиям, возводила себя к спутникам легендарного Рюрика, естественно, заменили последних в развитии традиции. Вероятно, центр силы традиционной племенной знати на Волхове был в названное время захвачен и уничтожен, после чего вошел в предание как Холопий Городок – поселение тех, кого обратили в рабство.

Суть предания как отражающего противостояние различных центров словенского региона в целом правильно, как представляется, расшифровал И. Я. Фроянов [8, С. 19–23]. Он, в частности, высказал допущение, что определение побежденных как «холопов» носило уничижительный смысл [8, С. 23]. Исследователь связывал отразившиеся в предании со-

бытия с консолидацией в ходе «межплеменной» борьбы вокруг приильменского центра. Последний он без комментариев называл Новгородом. События были отнесены им к середине IX века и связывались с пожаром Ладоги 860-х гг. «Холопы», таким образом, соотносились с «ладожскими словенами», и все сказание оказывалось более подробным вариантом древнего летописного предания о войнах северных «родов» [8, С. 19, С. 23–24].

Что касается Холопьяго Городка на Мологе, то его упоминания ранее XIV века отсутствуют. Археологическое исследование находящихся ныне на дне Рыбинского водохранилища местных городищ невозможно. Название Городка на Мологе дано выходцами из Поволховья в честь тамошнего Холопьяго, но время и причины этого неизвестны. Поскольку в период своего существования Городок являлся важнейшим торговым центром, не исключено, что название связано с работорговлей. В то же время присутствие в «Сказании о холопьяй войне» мотива бегства на Мологу и Каму отражает действительный процесс заселения земель северного Приволжья из Новгорода. С IX века и позднее на восток выселялись те, кому по тем или иным причинам не находилось места в Поильменьи и Поволховье. Среди них, конечно, могли быть (и в немалом числе) беглые рабы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В некоторых случаях среди баснословия поздних летописных памятников можно всё-таки обнаружить возможные или даже очевидные следы устной традиции, восходящей к весьма давним временам. Нельзя сказать, что привлечение источников такого рода существенно обогащает наши знания об истории IX века. Тем не менее становится возможным уточнить хотя бы на уровне гипотез детали, такие как судьба Холопьяго Городка. Столь поздняя традиция едва ли качественный первоисточник по любым проблемам, связанным с описываемым ею временем. Больше говорит она об особенностях исторической памяти, и

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

выстраивать картину изображаемого прошлого на ее основе не следует. Но в той же степени не следует и полностью игнорировать ее данные, тем более тогда, когда их традиционное происхождение может быть прослежено и обосновано.

Библиография / References:

1. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии / пер. А.И. Малеина, А.В. Назаренко. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. Т. 1. – 776 с.
2. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии / пер. А.И. Малеина, А.В. Назаренко. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. Т. 2. – 656 с.
3. Гиляров Ф.[А.]. Предания русской начальной летописи (по 969 год): Приложения. – СПб.: Современные известия, 1878. – 326 с.
4. Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. – Л.: Наука, 1990. – 214 с.
5. Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Новые материалы и исследования). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. – 404 с.
6. Татищев В.Н. История Российская. Т. I. – М.: Ладомир, 1995. – 500 с.
7. Уо Д.К. «Анатолиевский сборник» и проблемы вятского летописания // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. Материалы международного научного симпозиума. – Киров, 1997. – С. 336–354.
8. Фроянов И.Я. Древняя Русь IX – XIII вв.: Народные движения. Княжеская и вечевая власть. – М.: Русский издательский центр, 2012. – 1088 с.
1. Gerberstejn Sigizmund (2008) Zapiski o Moskovii [Memoires about Muscovy] / transl. A.I. Malein, A.V. Nazarenko. – M.: Pamjatniki istoricheskoj mysli. Vol. 1. – 776s. (In Russ.).
2. Gerberstejn Sigizmund (2008. [Memoires about Muscovy] / transl. A.I. Malein, A.V. Nazarenko. – M.: Pamjatniki istoricheskoj mysli. Vol. 2. – 656 s. (In Russ.).
3. Gilyarov F.[A.] (1878) Predanija ruskoj nachal'noj letopisi (po 969 god): Prilozhenija [The Tales of the Russian Primary Chronicle (before 969): Addenda]. – SPb.: Sovremennye izvestija. – 326s. (In Russ.).
4. Nosov E.N. (1990) Novgorodskoe (Rjurikovo) gorodishche [Novgorodian (Rurik's) Gorodishche]. – L.: Nauka, 214s. (In Russ.).
5. Nosov E.N., Goryunova V.M., Plohov A.V. (2005) Gorodishche pod Novgorodom i poselenija Severnogo Priil'men'ja (Novye materialy i issledovanija) [Gorodishche near Novgorod and the Settlements of the Northern Priilmenye (New materials and research)]. – SPb: Dmitrij Bulanin. – 404 s. (In Russ.).
6. Tatishchev V.N. (1994) Istorija Rossijskaja [Russian History]. Vol. I. – M.: Ladomir. – 500s. (In Russ.).
7. Waugh D.K. (1997) «Anatolievskij sbornik» i problemy vjatskogo letopisanija [Anatolii's Miscellany and Problems of Viatka Chronicle Writing] // Shvedy i Russkij Sever: istoriko-kul'turnye svjazi. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma. – Kirov, – S. 336–354. (In Russ.).
5. Froyanov I.Y. (2012) Drevnjaja Rus' IX–XIII vv.: Narodnye dvizhenija. Knjazheskaja i vechevaja vlast' [Old Rus' in 12th–13th centuries. Folk Movements. Princely and Veche's Power]. – M.: Russkij izda-tel'skij centr. – 1088 s. (In Russ.).